

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

ИЗ ЛУЧШИХ ПОБУЖДЕНИЙ

“Москва – город маленький”, – говорим мы, неожиданно встречая кого-то из знакомых в том или ином конце мегаполиса. Ещё более удивительной бывает встреча книг на одной и впрямь небольшой поверхности письменного стола.

Вот и на этот раз мир оказался тесен. Признаюсь, с “Таинственной страстью. Романом о шестидесятниках” Василия Аксёнова всё вышло достаточно случайно. Зашёл на книжную ярмарку в “Олимпийском”. Постоял, постоял и купил. Не из любви к искусству, так, глянуть, познакомиться. Слышал о выходе книги давно, однако особого желания воспользоваться “уникальной возможностью узнать”, как жили кумиры шестидесятых, “как любили, как предавали, отбивали чужих жён, во что верили, чем дышали”, что-то не возникало.

В это же время, работая вместе с Сергеем Куняевым над составлением “Избранного” интеллигентнейшего критика Анатолия Ланщикова, взялся читать “Народную монархию” Ивана Солоневича, которую сопровождало послесловие, написанное Анатолием Петровичем.

И, наконец, рядом с ними лёг том “Глупость или измена? Расследование гибели СССР” историка А. В. Островского, случайно увиденный у дочки Ланщикова, к которой зашёл, чтобы выбрать для готовящегося издания фотографию замечательного человека, не столь давно ушедшего из жизни.

Так в одно время в одном месте, на моём столе, встретились три книги, образовав “чудовищный коктейль”, как сказал бы Анатолий Ланщиков. Глоток за глотком поглощение будоражащего “напитка” – одновременное чтение сразу трёх этих книг – пробудило желание позвонить Куняеву-младшему и сесть за компьютер.

– А что общего у этих столь разных книг? – первое, что услышал я из телефонной трубки. – Ты мне объясни.

Именно с этого и начну.

Василий Аксёнов в самом начале книги сообщает, что всегда испытывал недоверие к мемуарному жанру. И объясняет причины, мол, неизбежны враньё и путаница. Поэтому он предпочёл писать о друзьях-товарищах, вспомнив повесть Катаева “Алмазный мой венец”, в романных образах.

О чём же и о ком роман? Ну, конечно, не о том, как некогда прототипы литературных героев романа собирались вместе в романически-романтическом “Коктебеле под эгидой некоего всемирного духа, называющего себя Пролетающим-Мгновенно-Тающим”. Роман – о времени, в какое довелось жить самому прозаику с его таинственной страстью. Это роман о писателях и поэтах – шестидесятниках, в финале которого развал “великого, могучего Советского Союза” совпадает с трагическим концом не облаканного судьбой поэта, одно-

го из героев книги. Но прежде всего аксёновский роман повествует о власти, которая мешала творить тем, кто “был всегда чист”, одних заставляла покинуть родину, а других перемалывала до такой степени, что они начинали велеречиво гвоздить тех писателей и художников, кто бросил родину, кто прельщён был “джинсами и долларами”.

Собственно, этой же теме посвящено и расследование гибели СССР петерского историка А. В. Островского. Просто первый видит материал как художник в образах, а второй — как человек науки в конкретных обстоятельствах и персоналиях. Можно сказать, что “Глупость или измена?” посвящена М. С. Горбачёву и его ближайшему окружению. Но позволительно избрать иной ракурс и увидеть попытку поговорить о власти вообще. О том, кто приходит во власть, кто в ней устраивается и с какими целями, о словах и делах, какие эту власть характеризуют.

У этих двух книг есть ещё одна любопытная скрепка, позволяющая говорить об их несомненной общности, но о ней, чтобы сохранить некую интригу, несколько позже.

Не будет преувеличением сказать, что работа Ивана Солоневича, написанная в пору, когда обрушение Российской империи стало жёстким и суровым историческим фактом, — тоже о российской власти. Только уже не в масштабе одной эпохи, а на протяжении веков. О логике бытия России. О психологии и путях её государственного строительства и разрушения. Об условиях, которые позволяют создавать государственность, и кривых зеркалах, способных отражать только отдельные клочки национального быта.

Такова общая составляющая этих трёх книг. При разном фокусном расстоянии они, по сути, дают изображение одного и того же объекта — власти и народа в период “переустройства”. Жанровый снимок взаимоотношений людей, стремящихся во власть, пришедших в неё, и людей, живущих под властью, в которой зачастую трудно обнаружить человеческое сочувствие, зато легко разглядеть бессердечие и безжалостность. Согласитесь, тут есть о чём поразмышлять.

С Василием Аксёновым я знаком лично не был. Один раз видел его на ММКВЯ, но это не считается. В своё время я, тогда старшеклассник, что называется, в одночасье вместе со всеми в “Юности” читал “Звёздный билет”, “Апельсины из Марокко” и смотрел фильмы “Коллеги”, “Мой младший брат”. Это была пора, когда имена Аксёнова и его “звёздных мальчиков” не сходили со страниц газет и журналов. Критика о молодом писателе, которому всего-то 30 лет, много писала: одни хвалили, другие ругали. Но так или иначе в начале 60-х годов Аксёнов не просто стал знаменитым, его произведения вошли в тематику школьных сочинений. Ведь тогда советская школа знала всего три направления в текущей литературе: о войне, о труде и о молодом современнике.

Когда вышла “Затоваренная бочкотара”, мне уже 22 года и я — студент-филолог. Повесть позволила сделать простой вывод: Аксёнов не мой писатель. Это не было оценкой критика. Обычное суждение молодого читателя, которого почему-то больше привлекал Лев Толстой. Спустя 10 лет, читая статьи Анатолия Ланщикова об этике и эстетике прозы, желавшей блеснуть формальной изощрённостью, соглашаясь с его логикой и выводами, я понял, что именно меня в юности оттолкнуло от “исповедальных” повестей писателя-интеллектуала. Подобно Станиславскому, я тогда для себя произнёс фразу, ставшую легендарной в мире не только театра: “Не верю!”

Эмиграция Василия Аксёнова не послужила стимулом к знакомству с последующими произведениями писателя, хотя его имя постоянно пребывало на слуху (запретный плод не всегда сладок). А встретив как-то в интернете текст романа “Золотая наша Железка”, написанного им в 1973 году, я смог одолеть лишь одну страницу. Дойдя до строк: “С диким топотом, словно стадо африканских слонов, неслись по синхрофазотрону мои нейтроны, а я, новичок, ещё не кандидат, а лишь романтик тайных физических наук, стоял, прижавшись молодым ухом к воронёной броне, и пытался сквозь этот грубый беспардонный батальонный топот уловить шорохи истинного микромира”, — решил прекратить насилия над собой.

Справедливости ради надо сказать, что “Таинственная страсть” счастливо лишена словоблудия о синхрофазотронах, нейтронах и шорохах истинного ми-

кромира. Потому как мода на них в литературе давно прошла и настало время иной физической романтики: “Он (Влад Вертикалов – Высоцкий. – А. Р.) пошёл за ней без особой охоты. Ну вот, ещё одна жаждет потрахаться с бардом, чтобы в Москве на фрондёрских сборищах о ней заговорили... Он почувствовал разочарование. Значит, просто о заурядном пистоне идёт речь?”

Нет, я не буду, подобно Виктору Топорову, писавшему о романе Аксёнова “Москва Ква-Ква”, говорить, что “... перед нами не просто наглая, циничная, бездарная и невежественная халтура. Перед нами разжижение мозгов, болезнь Альцгеймера, перед нами старческий маразм, кое-как замаскированный под политический гротеск”. Зачем так грубо?

Свидетельствую: читать “роман о шестидесятниках” можно. Читаем же мы известные слова из трёх и даже пяти букв на заборах и стенах домов, и ничего с нами после этого не случается. Вот и тут: ну, пишет Аксёнов их чёрным по белому на страницах романа. Во-первых, сегодня не у него одного литературный словарь расширился за счёт... или сузился до... обыкновенного мата. Во-вторых, значит, таким он увидел своё предназначение как литератора – писать именно так, как русские классики писать избегали. В-третьих, похоже, что раньше профессиональный литератор по молодости занимался словоблудием о том, в чём мало разбирался; а в года преклонные его потянуло более знакомом – о заурядном блюде.

Спустя некоторое время, впрочем, директор издательства, выпустившего последний роман В. Аксёнова, давая интервью телевидению, поведал с экрана всей стране, что 600-страничный “кирпич” – это сокращённый вариант текста, в который не вошли многие и многие страницы сексуального содержания. Директор порадовал читателей тем, что после смерти автора он намерен опубликовать роман без купюр. И мотивировал свой мужественный поступок тем, что Аксёнов принадлежал к поколению, лишённому властью свободы и прежде всего свободы творчества. Поэтому в тех условиях ему ничего другого не оставалось, как проявлять себя в увлечении терпкой алкогольной смесью и занятиях “любовью”. И эта “сексуальная революция” была ничем иным, как формой протеста.

Сколько авторов и текстов песен, стихов, прозы, рождённых в советское время, числятся сегодня протестными – уму непостижимо! Хотя “контры” в большинстве произведений было с гулькин нос. Ровно столько, насколько выглядывает большой палец при сложении дули. Тем не менее “новый сладостный стиль”, названный сначала “молодёжным”, потом на долгие годы “исповедальным”, позже “советским гламуром” с кукишем в кармане развитию социализму, оказался чрезвычайно удачливой находкой, которую В. Аксёнов эксплуатировал всю жизнь и которая имела популярность у отечественной публики и вызывала ажиотаж у зарубежных критиков.

Как признается спустя годы один из “коллег” В. Аксёнова по писательскому цеху и его друг А. Гладилин: “Мы оказались в нужное время в нужном месте”. И далее: “Это было весёлое время. Я был типичным “шестидесятником”, т. е. искренне верил в светлое будущее. В том смысле, что рано или поздно, попортив нам, конечно, крови, старые пердуны исчезнут, а наше поколение, придя к власти, всё построит по-другому”.

Вообще-то, если ты живёшь с мыслью-желанием прийти к власти, то ожидать тульских пряников от находящихся во власти вряд ли приходится. Мне кажется, любой более-менее неглупый человек это понимать должен. Будь то власть околотитературная, или власть политическая. Природа власти в любом случае едина. Так было во времена Пушкина (вспомним Ф. Булгарина и А. Бенкендорфа), во времена Эренбурга (вспомним А. Фадеева и И. Сталина). Мне представляется, в годы правления Хрущёва и Брежнева изменений в этой области не наблюдалось.

Поэтому печатают твои “нетленки” или не печатают, присуждают премии или делают разнос на писательском пленуме, отправляют в загранкомандировку или делают невыездным, человек с развитой системой ощущений быстро осознаёт выгоду при любом случае и на каждом углу твердить, что путь его в литературе никогда не был прямым, а всегда опасен и многотруден, что завистники и недруги не раз пытались увести в сторону от истины, что враги таланта и вездесущие осведомители и сотрудники КГБ вечно были вокруг и мешали творить. Надо ли говорить, что В. Аксёнов был человеком с развитой системой ощущений. И не он один. Вот диалог из романа между Ваксоном

(В. Аксёновым) и его лучшим другом Робертом Эром (Робертом Рождественским) – события происходят летом 1968 года на коктейбельском пляже:

– Слушай, Вакс, когда ты сказал “эта кодла”, ты кого-нибудь точно имел в виду?

– Всех, Роб.

– Сталинистов, что ли?

– Не только. И ленинистов тоже. И троцкистов. И бухаринцев. Коммунисты – это такая же преступная партия, как нацисты. С той только разницей, что геноцид устроили в своей стране.

– Это в прошлом всё-таки: разве не так?

– Кто может поручиться, что не в будущем?

Роберт перевернулся и сел в воде.

– Послушай, старик, я хочу тебе открыть один секрет... Надо чётко понять, что партия – это единственная сила в нашем обществе. Надо проходить за закрытые двери и участвовать в партийных дебатах. Только так я смогу донести до власти то, что нужно творческим людям. Дать знать, как поэты понимают честную политику. И вот поэтому, дорогой мой Вакса, я решил вступить в партию”.

Надо ли удивляться, что блудом протестующие против власти писатели-шестидесятники, всё решительнее завоевывавшие страницы толстых журналов и планы издательств (о них много писали, говорили, спорили), умело приторговывали как своей свободой, так и своей фрондой.

В воспоминаниях А. Гладилина читаем о знаменитом пленуме (1962 г.) московской писательской организации, посвящённом молодой литературе: “Публика высыпала в фойе. Константин Михайлович Симонов взял под руки Аксёнова и меня и стал театрально прогуливаться по живому коридору, а куча фотографов “блицевала” нашу троицу в назидание потомству...”

Наши “исповедальные” авторы одними из первых раскусили цену грамотного пиара, когда критика в прессе работает на имидж эффективней похвалы, а резкие разговоры на писательском пленуме оказываются для продвижения товара, в данном случае литературного произведения, полезнее умолчания.

“И когда в 60-м году, – вспоминает А. Гладилин, – “Юность” напечатала “Коллег”, получивших схожий с Кузнецовским большой читательский и общественный резонанс – сплошь положительные рецензии! – мы с Кузнецовым затащили Аксёнова в какой-то пустой редакционный кабинет, заперли дверь и прочли Васе лекцию: мол, дорогой друг, мы, конечно, рады за тебя, но если тебя так сильно хвалят, значит, ты что-то не то написал”.

Напрашивается закономерный вывод: кумиры 60-х прекрасно соображали, что делали. И тогда, когда “искренно и честно” служили советской власти, и тогда, когда где-нибудь на пляже, на кухне или в постели с очередной шестидесятницей они исподтишка советскую власть ненавидели. Анатолий Ланщиков ещё в пору, когда они были в фаворе, писал: “Авторам “исповедальной” прозы не удалось осмыслить явления, которые происходили в нашей стране в те сложные годы”. Мне кажется, что Анатолий Петрович в данном случае не прав. Авторы “исповедальной” прозы даже и не ставили перед собой такой задачи.

Сознаю, что я не отношусь к поколению Аксёнова, Кузнецова, Гладилина, а у каждого поколения своя судьба. Больше того, уверен, что даже у людей одного поколения судьбы нередко совсем не схожи. И тем не менее жили мы всё-таки в одно время.

Да, у меня мать не была узницей сталинских лагерей, и отца не репрессировали. Об арестах конца 30-х я впервые узнал от своих деда и бабушки. Дед, секретарь одного из московских райкомов комсомола, впоследствии кадровый военный, в своей жизни дважды арестовывался (один раз по делу А. Косарева, второй – по доносу “коллеги” по службе). От бабушки слышал, как, живя в Севастополе, по ночам все замирали, заслышав звук остановившегося “воронка” и шаги в подъезде.

Подрастая в семье, где дед, отец, почти все дяди были кадровыми военными, мальчишкой я мечтал пойти в армию, просился в суворовское училище. И каким потрясением стали тогда для меня слова деда: “Мой внук в эту армию не пойдёт!” (Сегодня почему-то говорят, что вот, мол, армия в 90-е годы стала не та. Но не той она стала вскоре после Великой Отечественной, когда её стала бояться верховная власть.)

Поэтому, если А. Гладилин о себе и своих друзьях говорит, что они “оказались в нужное время в нужном месте” и для них 60-е годы были “весёлым временем”, а сам он “искренне верил в светлое будущее”, то я о себе такого сказать не могу. Шестидесятые для меня прошли под тяжестью совсем не весёлого вопроса — “почему?”.

Почему в школе говорят об одном, а в жизни я вижу совсем другое? Почему уроки истории и обществоведения проходят под аккомпанемент дежурной фразы-рефрена: “В свете решений последнего пленума”? Почему происходит уничтожение кораблей Военно-Морского Флота, ставшее для моряков настоящей трагедией? Почему проводится принудительное выращивание кукурузы чуть ли не в районах тундры? Почему идёт сокращение личных подсобных хозяйств колхозников? Почему в 1963 году случились перебои с хлебом, маслом и мясом, а на следующий год, после отставки Хрущёва, они по мановению волшебной палочки быстренько прекратились? Почему строители развитого социализма, стоя ночью в очереди за хлебом (мы тогда жили в Саратове), злорадствуют по поводу огромного сияющего ярким светом призыва: “Вперёд к победе коммунизма!”, у которого вдруг погасли две буквы, и близ площади Ленина горит-переливается: “Вперёд к беде коммунизма!”? Почему следуют одна за другой очевидные глупости про “догоним и перегоним”, про квартиру каждой семье в ближайшие десятилетия, про построение светлого будущего к определённой дате, про научно-техническую революцию сразу как только? Почему жители Саратова из-за нехватки общественного транспорта, чтобы проехать по городу, должны набиваться битком в трамваи и троллейбусы, висеть на подножках и даже ехать на крышах? Почему появившиеся в 60-е годы резиновые дубинки милиция спокойно применяет против людей на трамвайных, троллейбусных остановках, добываясь, чтобы закрылись двери транспорта? Почему газеты и речи начальников всех рангов переполнены безудержными восхвалениями Хрущёва? Почему на смену вроде бы осуждённому культу личности Сталина идёт культ личности “дорогого и любимого” “великого ленинца” и “великого борца за мир” Никиты Сергеевича, прозываемого в народе Хрущём? Почему каждое событие, каждый чих партийного начальника тут же называется историческим? (Позже всё повторится при Брежневле, Черненко, Андропове, Горбачёве, Ельцине, Путине, Медведеве.) Грустно и смешно, когда даже у школьника возникает недоумение: а что, говорить о начальнике можно и нужно только с придыханием и восторгом? Подобных “почему?” я могу выстроить на несколько страниц.

Но ни на одно из них я не найду ответа на страницах “исповедальной” прозы, торжествовавшей в ту пору. Безусловно, идеологическая власть, как всегда и везде власть это делает, применяла к писателям (как, впрочем, и к художникам, артистам, учёным) политику кнута и пряника. Аксёнову кнут не нравился, пряник нравился. Ведь так хотелось жить в пряничном домике на берегу коньячной реки с берегами из копчёной колбасы и буженины.

Разумеется, я не намерен оправдывать административные меры секретариата Московского отделения писательского союза по поводу альманаха “МетрОполь” и превозносить звучавшую на нём демагогию, обильно цитируемую в романе. Но и панегирика альманах ни тогда, ни сегодня не заслуживает. Сборник неподцензурных текстов, подготовленный известными литераторами в 1979 году, имел своей целью спровоцировать власть на какую-то реакцию (при этом я не вкладываю в слово “спровоцировать” никакого негативного смысла, кто хочет, может заменить его на глагол “вызвать”). Я даже допускаю: участники хотели продемонстрировать, что многим литераторам цензура обрыдла. Больше того, уверен: закрой власть глаза на его даже печатную публикацию, это была бы “бомба” на пять минут. А дальше одолели бы тошнота и зевота. В 1988 в “эпоху гласности” альманах был переиздан в СССР. И что? Появление его стало литературным событием? Вы читаете его и перечитываете, как Чехова, Бунина, Ильфа и Петрова, наконец? Советуете к прочтению своим детям и внукам?

Да, было великое множество писателей в советское время, но кто сегодня станет читать романы “В полдень на солнечной стороне” или “Корни и крона”, “Белый свет” или “Станица”, “Медленный гавот” или “Философский камень”, “Большой зачин” или “Возгорится пламя”, “Межа” или “Годы без войны”? В том-то и дело, что альманах в читательском сознании современника затерялся где-то между ними. По сути литературный пшик. В ту, социали-

стическую, пору о нём заголосили по недомыслию чиновников от литературы, как всегда стремящихся быть святее римского папы. И пошла писать губерния: исключить из Союза писателей, внести в чёрные списки, вынудить эмигрировать, отправить за рубеж и лишиться гражданства. Власть выказала свою дурь вместо того, чтобы проявить здравомыслие. Можно сказать и по-другому: в очередной раз показала всем отсутствие мудрости. Результат по тем временам был предсказуем. Часть друзей-приятелей оказалась за рубежом.

Здесь, на родине, жили по-разному и уезжали по-разному. Анатолий Кузнецов, родоначальник “исповедальной” прозы, в пустом редакционном кабинете прочитавший Аксёнову лекцию – о чём и как писать – в 1969 году выехал в командировку в Лондон будто бы для сбора материалов для написания книги о II съезде РСДРП к приближавшемуся 100-летию со дня рождения Ленина и попросил там политического убежища. Перед отъездом он назанимал у коллег денег – и с концами. Позже пошёл слух, что ничего подобного, это, мол, деза КГБ, стремящегося очернить “невозвращенца и предателя”. Но ещё до распространения слуха я об этом услышал от Юрия Дружникова. И врать ему мне не было никакого резона. Так же как его самого вряд ли уместно соотносить с деяниями спецведомства.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что фигура А. Кузнецова в перечне шестидесятников, о которых повествует роман “Таинственная страсть”, отсутствует. Нет его ни среди тех, с кем главный герой откровенничает, ни среди тех, кто так или иначе предаёт сопротивляющихся власти. К сожалению, в романе, размашисто названном “о шестидесятниках”, действует всего-навсего несколько человек. Ну, да Бог с ним! Кого В. Аксёнов не назвал, тот сам подсуелится и себя к ним причислит.

Тут самое время восполнить пропуск, сделанный в самом начале статьи, и раскрыть – что я счёл любопытной скрепой, позволяющей говорить об общности романа В. Аксёнова и документальной книги А. В. Островского “Глупость или измена? Расследование гибели СССР”, центральной фигурой которой является М. Горбачёв.

Можно по-всякому к этому относиться, но экс-президент СССР ныне тоже презентует себя публике в качестве шестидесятника. Любопытное совпадение: летом 1980 года шестидесятник В. Аксёнов покидает родину, осенью того же года другой шестидесятник, М. Горбачёв, становится кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Феномен первого кое-кто объясняет тем, что шестидесятники в юности по много раз смотрели американские фильмы, заглядывая сквозь них “во внешний мир из сталинской вонючей берлоги”, и слушали записанные на рентгеновскую пленку американские песенки. Феномен второго больше сформирован номенклатурной культурой. Поэтому как простой гражданин он был критиком власти и ратовал на кухне за реформы, но как партаппаратчик он являл собой эталон энергичного исполнителя всего, по поводу чего у вышестоящего начальника “есть мнение”. Но это не помешало им, Аксёнову и Горбачёву, оказаться в одной нише, взгляды обоих и шедших им вослед сыграли существенную роль в разрушении советской системы и Советского государства.

Шестидесятники, которых объединяло стремление к свободе, к переменам, которые каждый понимал по-своему, были люди с самыми разными убеждениями, позициями, судьбами. Нет ничего удивительного в том, что они в целом, как явление, продемонстрировали неспособность к самоанализу и самоидентификации, к общей культуре и к пониманию общих ценностей. Другими словами, они оставили без ответов вопросы о том, что есть Россия, что есть Советский Союз, каковы причины революции, Гражданской войны, сталинизма и почему в стране произошла эта цепь трагедий. Порой складывается впечатление, что единственным, что их роднило, было цитирование на кухонных посиделках первой фразы “Нетерпения” – романа Юрия Трифонова о народовольцах: “К концу семидесятых годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна”. А дальше всё как в романе: “Спорили лишь о том: какова болезнь и чем её лечить?” Споры не стихают по сей день.

С началом перестройки В. Аксёнов вернулся на родину и получил свою порцию триумфа. Затем 20 лет курсировал между Америкой, Францией и Россией, предпочитая писать в Биаррице в маленьком домике на берегу моря,

где “только волны шумят да самолеты над головой пролетают”. Умер шестидесятник-писатель на 77-м году жизни в Москве.

Шестидесятник-политик М. Горбачёв недавно отпраздновал 80-летний юбилей. Пресса извещала: “Все желающие могут поздравить юбиляра в Лондоне на открытии исторической конференции, посвящённой юбилею политика, и на церемонии вручения новой премии за вклад в развитие современной цивилизации”. Без ложной скромности тема конференции была заявлена: “Поколение Горбачёва: шестидесятники в жизни страны”. Мне даже любопытно, как отнёсся бы В. Аксёнов к тому, что его “включили” в поколение Горбачёва. Думается, он всё же полагал, что это Горбачёв принадлежит поколению Аксёнова.

Так как по уважительной причине на историческом мероприятии на острове демократии я не был, поверю на слово ВВС, которая начало церемонии (когда на гигантском экране под музыку Лондонского симфонического оркестра показывали фотографии Горбачёва с другими героями и знаменитостями – от Нельсона Манделы и до принцессы Дианы) назвала “дешёвым” и “за границами приличий”.

ВВС, конечно, Горбачёву не указ, и если я скажу, что не нахожу такой демарш экс-президента приличным, это тоже противоположного мнения Михаила Сергеевича не поколеблет. За ним как-никак Нобелевская премия мира 1990 года, которую, как говорит сам Горбачёв, он получил заслуженно: “Могу так сказать, потому что подтвердил это своей политикой, ответственностью перед страной, народом и перед миром”. Политикой перед миром – тут спорить не стану. А что касается ответственности перед страной и собственным народом – то это как посмотреть. Для основателя Горбачёв-фонда, чей главный офис располагается в Сан-Франциско, вероятно, не будет новостью услышать, что немалая часть народа считает, что Нобелевская премия ему была дана за развал Советского Союза. Недавнее 20-летие со дня ГКЧП и вспышка внимания к событиям тех дней лишь подтверждают право на подобное суждение.

Да и на Западе такую точку зрения можно назвать преобладающей. Там, не стеснясь, режут правду-матку, мол, самая значимая заслуга Горбачёва состоит в том, что он “сумел и отважился силой и хитростью нанести первый удар, который, в итоге, отправил чудовищную советскую машину в небытие”.

Ладно, советская машина... Но зачем же так с людьми? Может быть, и без шоковой терапии обойтись было нельзя. Но ведь **терапии**, а не кладбищенского погоста, куда отправили миллионы людей.

Хотя если вспомнить историю – ничего нового. Сначала большевистский переворот обусловил трагедию Гражданской войны. Потом последовали трагедии расказачивания, коллективизации и раскулачивания, раздел страны по национальному принципу и репрессии, Великая Отечественная война, в которой были и бессмысленные атаки “в лоб”, и “котлы” от недомыслия, и лётчики практически без учебного налёта, и традиционное отношение к солдату – людей в России ученого...

На этом фоне высылка в эмиграцию покажется сущим пустяком. Хотя одна, вторая, третья волна – тысячи и тысячи людей, сломанных судеб и преждевременных смертей. Чем в это время занимались политики и политиканы, типичным представителем которых был М. Горбачёв? Рвались к власти и делили эту самую власть. Отправляли на тот свет сначала Ленина, потом ленинцев, позже Сталина. Хрущёв, по сути, пришёл к власти на армейских штыках, находящийся за спиной Г. Жукова, и в момент попытки государственного переворота (летом 1957 г.) позиция именно Жукова обеспечила ему сохранение поста руководителя КПСС. А уже осенью в благодарность министр обороны был снят со всех постов. Брежневская эпоха (1964 г.) тоже стала возможной в результате “дворцового переворота”. Хрущёв был снят по изобретённой им же схеме “по состоянию здоровья”. Нечто подобное предпринял и ГКЧП (1991 г.), у истоков которого находился сам Михаил Сергеевич. И чуть позже, продемонстрировав, что владеет мастерством интриг ничуть не хуже, власть в свои руки прибрал Б. Ельцин. “Всё на свете повторяется”, – как говаривал историк Карамзин.

Но мы обратимся к работе современного историка, взявшегося живописать жизнь и деяния М. Горбачёва. Не удивляйтесь, что я, филолог по образованию, писатель по роду занятий, взялся за “критику” исследования профес-

сионального летописца. Книга носит всё же не научный характер, а скорее публицистический. Это нисколько не снижает её достоинств, как, впрочем, и не увеличивает существующие недостатки.

Начну я, пожалуй, с простого структурирования представленного материала. Во-первых, автор собрал и систематизировал большое количество документов, имеющих отношение к заявленной теме. Во-вторых, представил на суд читателей огромное количество интервью: ответы на свои, авторские, вопросы, на вопросы журналистов, реплики и суждения из книг, написанных людьми из окружения Горбачёва. В-третьих, сделал ряд серьёзных обобщений. В-четвёртых, предложил некоторые выводы.

Вот в таком порядке мы и взглянем на события, освещённые автором. Обильно представленные в работе документы я намерен принять без возражений. Будем считать, что они не искажены, приведены полно и не вырваны из контекста. И тогда этот пласт исследования представляется самой сильной стороной работы А. Островского.

Далее, кроме цитат из документов в книге присутствует много суждений-реплик, которые должны помочь А. Островскому подтвердить или опровергнуть тот или иной тезис. И вот здесь мне почему-то на память приходят некогда слышанные слова про историю и, соответственно, про историков: “– А что по этому поводу скажет история? – История? Как всегда солжёт!”.

Событиям, которым посвящена книга, всего-то десяток-другой лет, а уже либо сплошные “белые” пятна, либо на каждом шагу противоречия, либо суждения одних и тех же людей, опровергающие друг друга. Помнится ответ М. Горбачёва на какой-то вопрос по поводу Фороса, прозвучавший с экрана телевизора: “Вы что, наивно считаете, будто я вам расскажу всё-всё как было? Нет, конечно”. И ведь это позиция не одного Михаила Сергеевича, это позиция практически каждого политика. Дают ли они интервью, пишут ли мемуары – всякий раз дозированно и по-ленински исходя из сложившейся ситуации и руководствуясь, если хотите, голой целесообразностью. В просторечии это называется – как сейчас выгодно. Причём, заметьте, говорить правду политики всегда считают невыгодным. Будь то действующий политик или давно ушедший на пенсию.

Так что словам политиков обычно веры нет никакой. Какой, к примеру, здравомыслящий человек, услышав недавно уверенно произнесённые слова главы МВД Р. Нургалиева, что после реформы министерства взяточничество в его рядах искоренено (“Вот там, за моей спиной, в прошлом, остались взяточничество, злоупотребления служебными полномочиями, коррупция и весь негатив, нет его сегодня”), поверит сказанному? Но кто знает, как и куда подверстают эти слова какой-нибудь историк лет эдак через двадцать?

Поэтому сравнивать сказанное самим Горбачёвым или участниками событий с документами – мне представляется некорректным. Сказал так – журналист напечатал иначе. Сегодня политик произнёс одно, завтра сказал совсем другое, а послезавтра третье. Делать на этом какие-либо выводы, выстраивать ход развития реальной истории – вряд ли правомерно. Но именно так, видим, поступает А. Островский, пытаясь дать ответ на вопрос: “Глупость или измена?”. Кстати, потому в заголовке и стоит вопрос (одно или другое?), что автор расследования не может в этой ситуации прийти к определённому заключению.

И ещё. Читая расследование, чувствуешь сильное желание историка в русле российской традиции сделать однозначный вывод: или – или. В действительности жизнь являет факты, свидетельствующие, что зачастую действуют множественные и разноречивые силы. Каждый из политиков то, что полезно и нужно отчизне, понимает по-своему и соответственно своим взглядам действует. Другое дело, что никому из них ни на словах, ни на деле, исходя из соображений пользы для России, не приходит в голову договариваться. Каждый стремится инакомыслящих изничтожить (кто не со мной, тот враг), созданное до него разрушить (отсюда повсеместное стремление пройти точку невозврата), а потом уже начинать что-то строить, исходя из “лучших побуждений”.

На Руси испокон веков власть любит себя, любимую, и ей глубоко наплевать на тех, кто там, внизу. Заметьте, как часто из уст представителей власти любого уровня звучит сверху вниз: “Быдло! Толпа! Чернь!”. Ну, а с быдлом какой разговор? Обычно короткий. И тут самое время вспомнить и зарубить се-

бе на носу, что патриотизм и гражданственность заключаются не в разговорах и болтовне, а в наведении порядка в местах, к которым мы имеем отношение. В квартире, подъезде, доме, во дворе, на улице. Нужно научиться отлично работать, прилично себя вести и уважать других. Нужно стремиться обустроить быт и навести красоту везде, где человек пребывает. Но можем ли мы сказать, что это характеризует многих наших людей?

Увы, мы предпочитаем заниматься не делом, а спорами и, пользуясь любым случаем, орать: в телевизионной студии, на работе, на сцене, в магазине, на улице. Мы перестали быть людьми и тружениками, мы превратились в шоуменов. Скажете, я преувеличиваю? Тогда вспомните, когда в последний раз вы видели спокойно говорящих Проханова, Веллера, Жириновского, Митрофанова, Сванидзе, Кургиняна, Леонтьева, Митрохина, Исаева... и многих других, напрочь забывших, что криком делу не поможешь.

Я очень далёк от мысли представить М. Горбачёва уверенным и целенаправленным, точно так же, как Б. Ельцина трезвомыслящим. Но, читая исследование А. Островского, складывается мнение, что автор хочет убедить читателей, будто Михаил Сергеевич долгие годы вёл тонкую и продуманную игру, имея в виду чётко осознанную и сформулированную цель: разрушить партию и страну, уничтожить советский тоталитарный режим, совершить «демократический переворот». Не знаю, насколько сильно играет Горбачёв в шахматы, хотя и встречал информацию, что Президенту СССР М. Горбачёву доводилось играть в эту игру и с А. Карповым, и с президентом ФИДЕ К. Илюмжиновым (на ней советский президент отметил значительную роль шахмат в его жизни и подчеркнул, что шахматы – часть мировой цивилизации). Но его политическая карьера показала и доказала, что далее второго хода в политике он просчитывать не способен. Как позже скажет А. Черняев, «концепции, к чему идём, у него нет». Эта точка зрения мне ближе.

Я не думаю, что развитие событий в союзных республиках, а затем и в Польше, Венгрии, Германии, Чехословакии и Болгарии – это плод его усилий, что, отбывая в Форос, он уже держал в голове мысль о скорой «передаче» власти. Начиная с антиалкогольной кампании и знаменитой «перестройки», ни разумного подхода, ни представления, чем всё обернётся, у Горбачёва я не наблюдал. Даже демагогия, верный конёк всех функционеров верхнего эшелона власти, не была сильной стороной его как политика. И все разглагольствования Михаила Сергеевича о том, что он иногда запаздывал, но иногда, напротив, опережал события – они от лукавого. И, главное, все они произнесены много позже, в пору, когда уже можно было говорить всё, что заблагорассудится, выставляя себя в самом привлекательном виде.

Осторожным и нерешительным он проявлял себя лишь в тех случаях, когда речь шла о принятии решений, касающихся страны, но в вопросах, касающихся его лично, он действовал довольно решительно и, как мог, хитро. Почему же тогда он не смог удержать власть? Оказались решительнее, хитрее другие, и те западные политики, кому он (по наивности, по очевидной глупости, по непрофессионализму?) верил «на слово», и те отечественные мастера подковёрных игр, которые, в конечном счёте, переиграли первого и последнего президента СССР, обогатившего русский язык сентенцией: «Процесс пошёл!».

Можно ли сделать безусловный вывод, что Горбачёв в своей политике был корыстен и чуть ли ни следовал указаниям иностранных спецслужб? Как мне представляется, А. Островский не смог представить «железобетонную» систему доказательств этого. Хотя, ей-ей, имел такое желание. Безусловно, «реформаторы не были едины». И справедливы слова автора книги, что «нельзя ставить на одну доску М. Горбачёва и Н. Рыжкова, А. Яковлева и Е. Лигачёва». Но вот согласиться с тем, что ведущих «архитекторов» и «прорабов перестройки» следует разделить всего на два лагеря: на тех, кто «действительно желал обновления советской системы», и на тех, кто «стремился к её ликвидации», чрезвычайно трудно. Потому что в действительности и у «прорабов» суть и цели перестройки были очень не схожи, и «архитекторам» будущее виделось в полном тумане и совершенно разным. Самое грустное, что так было тогда, так же осталось и по сей день. Не менее печально и другое: забегая вперёд, можно сказать, что и сегодня люди, сформировавшиеся в русле шестидесятничества, во многом определяют идеологию и политику постсоветской России.

История последних ста лет показывает: Сталин был характерным продуктом ленинской эпохи; Хрущёв весь вышел из сталинизма; Брежнев и его окружение балансировали между антисталинизмом и сталинизмом; Горбачёв вырос на одной номенклатурной грядке с Брежневым, Черненко и Андроповым. Именно эти трое и обратили внимание на партаппаратчика из Ставрополя и приблизили к себе, как тогда говорили, “выдвинули и перевели в Москву”. За что? Почему? “Может быть, я ему просто понравился”, — “откровенничает” сегодня Горбачёв, вспоминая Андропова. Чем понравился — мы можем лишь гадать. Но одно понятно: каждый из троих увидел в нём своего, то есть энергичного подчинённого, прекрасного преемника кремлевской “старой гвардии”.

Тут мне всё же хочется поведать небольшую историю давних лет, из которой станет ясно, почему я мало симпатизирую М. Горбачёву, хотя и не соглашась с зачислением его в когорту предателей. Случилось это в пору, когда будущий Президент СССР ещё хозяйствовал на Ставрополье, а Раиса Максимовна преподавала в вузе. Странное дело, я буквально “перерыл” интернет, но про интересующий меня период не нашёл ничего. Судите сами, везде, как под копирку, о Р. М. Горбачёвой сообщается: “В 1967 году защитила в Московском государственном педагогическом институте диссертацию в области социологии и получила научную степень кандидата философских наук. В 1978 году, когда Горбачев был избран секретарем ЦК КПСС, они переехали в Москву”. Что и где она делала в промежутки с 1967 по 1978 год — об этом ни слова, ни полслова. Самое большее — это строка о том, что ей даже предлагали место завкафедрой в институте. Почему так — не представляю. И, собственно, это не имеет прямого отношения к тому, о чём я хочу рассказать. Я лишь хотел через интернет уточнить, где именно работала Раиса Максимовна в те годы. Не вышло. Поэтому рассказываю, как и что довелось услышать. Сразу скажу, что история эта сугубо семейная.

Моей теще, работавшей в Академии педагогических наук, в обозначенный период довелось быть научным руководителем одной аспирантки из Ставрополя при защите ею в Москве диссертации. Как это нередко бывает, вклад руководителя в работу диссертантки был достаточно существенный, и благодарная женщина с той поры, бывая в столице, всегда заходила навестить своего бывшего шефа. Работала она в Ставропольском пединституте, стала там даже заведующей кафедрой. И вот в один из своих приездов мы от неё узнали о случившейся в их семье драме: сын её был обвинён то ли в попытке изнасилования, то ли в самом изнасиловании. Мать предпринимала всё, чтобы помочь сыну, и смогла сделать так, что он избежал тюрьмы. Я тогда, помню, полюбопытствовал: “Что, хорошего адвоката нашли? И сколько это стоило?” В ответ услышал: “Обошлись без адвоката. У нас в институте работала жена первого секретаря крайкома партии Раиса Горбачёва. У меня с ней, можно сказать, приятельские отношения. Решила идти к ней на поклон. Стоило очень дорого”. Как вы понимаете, меня в момент “общения” женщин не было. Поэтому свидетельствовать или даже утверждать что-либо я не в силах. Тем не менее история, тогда услышанная, не могла вызвать у меня симпатий к Горбачёву, ставшему потом секретарём ЦК, затем генеральным секретарём КПСС, наконец, Президентом СССР.

Но, согласитесь, после этого совсем иначе воспринимаются страницы книги А. Островского, где среди прочего приводятся слова, принадлежащие генералу Л. Г. Ивашову: “Не хочется говорить о подкупе, взятках в прямом нашем понимании, хотя до сих пор неизвестно, за что президент Южной Кореи Ро Де У вручил М. С. Горбачёву 100 тыс. долларов в апреле 1991 г., которые хранились в сейфе Болдина. Но если проанализировать семь полученных М. С. Горбачёвым премий — американских и международных, то все они вручались за определённые уступки со стороны СССР. Да и только ли Ро Де У передавал напрямую советскому Президенту кругленькие суммы?”

Нет, я не могу ни в чём упрекнуть ни А. Черняева, ни Г. Шахназарова, ни В. Медведева, ни В. Третьякова. Они писали о Горбачёве то, надеюсь, что думали и чувствовали, пусть даже их мысли и чувства расходятся с мыслями и чувствами А. Островского, Л. Ивашова, Г. Зюганова, А. Проханова. Но когда, защищая Горбачёва, они свидетельствовали, что в идее перестройки не было корыстных мотивов: ни личных, ни “ради спасения системы”, дававшей привилегии, в чем его не раз обвиняли, ни, наоборот, ради разрушения, следуя западным рецептам, СССР, — я вспоминаю слова, звучавшие в адрес ше-

стидесятников, про то, что их в юности потрясли западные фильмы про “красивую” жизнь. М. Горбачёву представилась возможность своими глазами увидеть, насколько отличается жизнь людей там и тут. Выезды за рубеж Горбачевых стали регулярными задолго до того, как провинциальный партийный секретарь очутился в кресле генерального секретаря КПСС.

Думаю, они и послужили толчком к мыслям о некоей “перестройке”. Проблема оказалась в том, что понимания, как сделать жизнь в советском зазеркалье столь же привлекательной, не было. И на помощь пришёл старый, проверенный веками, способ: надо ввязаться в драку, а там посмотрим, власть как-никак у меня в руках. Люди спиваются — следует провести антиалкогольную кампанию. Многомиллионный народ находится в путах идеологических догм — дадим ему свободу слова, вероисповедания и т. д. Партийная власть задавила государственную, а государство нависло над личностью человека, не давая ему возможности вздохнуть и проявить свои творческие силы — предоставим возможность каждому войти в общее русло современной цивилизации на основе признания таких общечеловеческих ценностей, как демократия, правовое государство, рыночная экономика, права человека. Ведь это так здорово — каждый сам устраивает свою жизнь и выбирает пути развития.

Всё из самых лучших побуждений. Горбачёв вроде бы следовал здравому смыслу, апеллировал к человеку в человеке, а тот не справился со свободой, не последовал руслом современной цивилизации и очень настороженно воспринял общечеловеческие ценности. Воспользуюсь здесь афористичной фразой, авторство которой с некоторых пор приписывается Черномырдину, хотя гуляла она по стране задолго до того, как Виктор Степанович произнёс её в микрофон, и скажу: Президент хотел, как лучше, а получилось, как всегда.

Почему-то с “переустройством” у не понимающих своего счастья людей вышла накладка: кто не смог, кто не захотел. Противников нового порядка оказалось “выше крыши”. А среди них много военных. Что предпринимает в таких случаях западная демократия? Идущего вразрез с позицией того же американского Белого дома генерала увольняют из армии. Но у Горбачёва, если помните, было слишком много таких генералов. И как истинный демократ, Михаил Сергеевич “чистит” армию вплоть до уровня командования дивизиями. Операция, очень напоминающая “чистку” армии при Сталине. С одним, правда, существенным отличием: демократ Горбачёв никого не расстрелял.

Следуя логике А. Островского, общеизвестный эпизод с приземлением немецкого лётчика-любителя на Васильевском спуске рядом с Красной площадью нужно рассматривать как операцию “Руст”, проведенную КГБ по указанию Горбачёва. Со ссылкой на суждение генерал-майора С. Мельникова организатором операции называется В. Крючков, в скором будущем председатель КГБ и член ГКЧП.

То, что событие дало Горбачёву прекрасный повод снять со своих постов практически всё руководство Советской армии и посадить везде своих людей, не вызывает сомнений. Но вот “единение” западных и отечественных спецслужб, на чём настаивает А. Островский, не вызывает доверия. Хотя бы потому, что из дневника ближайшего горбачёвского помощника А. Черняева известны слова Михаила Сергеевича: “Ну вот, теперь умолкнут кликуши насчёт того, что военные в оппозиции к Горбачёву, что Горбачёв проваливает реформы и что КГБ его вот-вот скинет, как это было во время Хрущёва и Семичастного. Теперь уже не скинут! Некому!” Тут ведь что-то одно: либо КГБ — организатор операции “Руст”, “либо вот-вот скинет” Горбачёва. Но автор “Расследования гибели СССР” этой цитаты в своей книге не приводит. Судя по всему, она не вписывается в его концепцию. Такой избирательный подход не единичен, он особенно сказывается в комментариях А. Островского, обильно представленных на страницах книги. Именно это и заставляет видеть в ней не столько работу историка, сколько выступление публициста. И тогда “Глупость или измена?” — это всё же историческая версия, имеющая право на существование, но не больше. Здесь историк А. Островский очень напоминает другого историка — Ключевского, у которого выводы всегда начинались раньше фактов.

Но вернёмся к Горбачёву, даровавшему народу свободу. Что в итоге вышло? Устроили, и совсем не плохо, свою жизнь и стали определять пути развития других людей и страны в целом лишь те, кто, как они потом говорили, оказались в нужное время в нужном месте. Таким оказалось главное из до-

стижений М. Горбачёва, которое, с точки зрения его сподвижников, может быть приравнено к подвигу.

О том, что на Горбачёва есть резон глядеть как на человека, который “хотел, как лучше”, обратила внимание в своё время книга А. Грачёва, выпущенная издательством “Вагриус”, тут нет никакого моего открытия. Другое дело, что благостного мнения советника, пресс-секретаря Президента СССР, что Горбачёв, “перевернув страницу истории, дал возможность писать её дальше с чистого листа”, я разделить не могу уже хотя бы потому, что мало верю в реальность и полезность начинать каждый раз отечественную историю с чистого листа.

Я сказал бы по-другому: Горбачёв, действительно, перевернул страницу истории, но сделал это до безобразия грубо и беспардонно по отношению к своему народу, как, впрочем, до него поступали и другие правители России. Но прежде чем перейти к ним, другим правителям, позволю себе обозначить один нюанс. Некогда шестидесятник А. Гладилин вспоминал: “Когда-то, на каком-то неофициальном междусобойчике, отважные молодые литераторы набросились на Константина Симонова с обвинениями: дескать, вы продавались, служили властям, а мы не продаёмся. Симонов усмехнулся и вкрадчиво спросил:

– А вас покупали?”

Интересно, что на такой вопрос ответит атеист, как он себя называет, шестидесятник М. Горбачёв, если вдруг доведётся предстать на Божий суд пред Всевышним.

Недавний “юбилей” драматических событий августа 1991 года продолжил длящуюся два десятилетия дискуссию на тему “А могла ли гипотетическая победа ГКЧП спасти Советский Союз?”. Большинство спорящих склоняется к отрицательному ответу. Мол, тогда в стране свирепствовал жесточайший экономический кризис, проявился широчайший размах националистических движений, в которые включилась местная номенклатура союзных республик, дала о себе знать откровенная деградация высшей советской элиты, не способной к проведению какой-либо мало-мальски эффективной политики.

А теперь главный вопрос: а когда в нашей стране была эффективная политика? Может быть, при Брежнев, Хрущёве? Вы назовёте эффективной политику Сталина, Ленина? Пойдём дальше: попробуйте переберите имена царей – чья политика была эффективной? Николая II? Александра II? Или Александра I, Павла I? Екатерины II? Петра I? Нет, я не намерен убеждать кого-либо, что у нас на Руси и позже в России, царской и советской, было плохо всё. Отнюдь. Но все положительные шаги и деяния в стране имели удивительное свойство: они происходили не благодаря, а вопреки верховной власти, политику которой назвать эффективной язык не поворачивается.

Иван Солоневич решил на рискованный шаг и по этому поводу сказал так: “Начиная с конца XVII века до середины двадцатого, государственный строй России развивался – почти непрерывно в **сторону ухудшения**”. Почти 500 лет европейской эволюции, начатой Петром I, и гибели четырёх русских царей, “оказалось недостаточным для того, чтобы “догнать и перегнать” – не Америку, а Москву, закат которой произошёл в эпоху Петра, ставшую крутым переломом в русской истории.

Не могу не повторить здесь суждение А. Ланщикова, заметившего, что, “когда читаешь книгу И. Солоневича, то как-то не верится, что писалась она полвека назад (на сегодняшний день прибавьте ещё 20 лет. – **А. Р.**) – всё необычайно знакомо или узнаваемо; даже стилем он не столько напоминает своих современников, сколько современников наших, пусть даже не существующих, а лишь воображаемых. Слова И. Солоневича как будто летят не из прошлого, а рождаются вот здесь и сейчас, возникают из нескончаемой русской беседы, плодотворной и бессмысленной одновременно”.

Автор “Народной монархии” исходит из той аксиомы, что “Россия имеет **свои** пути, выработала **свои** методы, идёт к **своим** целям и что поэтому **никакие** политические заимствования извне ни к чему, кроме катастрофы, привести не могут”. Странное дело, мы безудержно рвём глотки в спорах о роли Сталина, о пользе реформ Александра II, о державности Екатерины II и не вспоминаем Петра I, в эпоху которого было “начерно оформлено идейное завоевание России Западом”. Наивный вопрос: чем, собственно, роль Петра I

отлична от роли М. Горбачёва? Противники Горбачёва как только не называют его — и предателем, и агентом влияния, и “засланным казачком” с Запада, а к Пётру I, якобы прорубившему окно в Европу, вроде как и никаких претензий. Если так пойдёт и дальше, если вправду “всё на свете повторяется”, то по истечении ещё пятисот лет мы должны будем в истории приравнять по значимости имена Петра и Михаила.

Как много у них общего! “... В “революции” Петра, — читаем у И. Солоневича, — отсутствовал самый основной революционный элемент: насильственный захват власти, отсутствовал тот обычно весьма чёткий перелом, который отделяет “старый режим” от его революционного наследника. В лице Петра “революцию” производил сам “старый режим” и производил её а) законными средствами и б) с патриотической целью. И наконец революционный оттенок петровские деяния получили уже только впоследствии — во всей их сумме. Современникам она казалась нарастающим рядом безобразий и неудач, но никак не революцией... Посмертный успех (петровских реформ. — **А. П.**) был закреплён новым соотношением социальных сил, о каком Пётр, разумеется, и понятия не имел”. Тут что ни слово, то каждое проецируется впрямую на Горбачева. Всего и надо заменить Петра на Михаила.

Одновременно, проследив эволюцию от Алексашки Меншикова к Павлу Милюкову, Александру Керенскому, Климу Ворошилову, Михаилу Сулову вплоть до Александра Яковлева и Игоря Сечина, будет уместным бодро и весело, ничуть не конфузясь, разглагольствовать о наметившемся прогрессе в вопросах совмещения российских и европейских характеров. Прогрессе, взрывающем старое, большой вклад в который в годы минувшие сделал Пётр, в современной истории повторил Михаил Сергеевич, который по-своему тоже рубил окно в единую Европу и намеревался пристроить к общеевропейскому дому российские сени. Но сусальная Европа не смогла даже перевести на свои языки варварское слово “сени” и технические условия на пристройку не подписала.

Петровские реформы создали быт и смысл крепостнического русского дворянства, чьё пребывание во власти ладно закончилось бы рубкой вишнёвых садов — закончилось кровавой революцией с большевиками во главе. Реформы Горбачёва явили миру быт и смысл новой русской буржуазии, чьё пребывание во власти началось ложью, полуправдой, дешёвым популизмом, обнищанием масс и безмерным обогащением коррупционеров.

Миф о Петре, легендарном созидателе новой, просвещённой, достойной войти в европейскую семью России, начался с вопроса о бездне, на краю которой стояла Московская Русь и от которой спас её гений Петра. Миф о Михаиле, легендарном освободителе российского народа из советской кабалы, чтобы тот получил право войти в европейскую семью, начался с вопроса о бездне, на краю которой стоял Советский Союз и от которой спас народ гений Михаила.

Петровская легенда усилиями поколений историков крепилась мыслью, что военный гений Петра, а не полководческий талант Потёмкина, Суворова, Шереметьева показал всем неуязвимость России. Горбачёвская легенда усилиями нынешних политиков-прихлебателей крепится мыслью, что исключительно гений Горбачёва способствовал окончанию “холодной войны” и дал людям шанс дышать и говорить свободно.

Мне не доставит удовольствия сравнивать “птенцов гнезда Петрова” — желающих могут вслед за И. Солоневичем обратиться к оценке их Ключевским — и “птенцов гнезда Горби”, “птенцов гнезда царя Бориса” и оперившихся птенцов нынешних. Но попробуйте сами с трёх раз догадаться, о ком идёт речь: отважный мастер брать, красть и лгать; самый сухопутный генерал-адмирал; великий дипломат с лакейскими ухватками; обер-фискал, которому пришлось отрубить голову за взятки; они начали дурачиться над Россией и принялись торговать Россией, как своей добычей; под высоким покровительством, шедшим с высоты, казнокрадство и взяточничество достигли размеров небывалых раньше, разве только после...

Петровским преобразованиям направление дал Кукуй и царская командировка с Великим посольством в поиске себе учителей в Западную Европу. Горбачёвские планы перестройки тоже за образец берут общественный порядок на Западе.

По реформам Петра государственная собственность (поместное владение) оказалась в руках дворянства, ему же стало принадлежать и крестьянст-

во – русский мужик стал личной собственностью, по сути, рабом. Реформы Горбачёва государственную собственность путём номенклатурной приватизации превратили в частную, положив начало криминальному капитализму.

Петровский “Табель о рангах” создал бюрократию – слой людей, “связанных” только интересами чиновничества. При Горбачёве прошла “диспансеризация” чиновничества, в ходе которой ему была сделана инъекция лошадиной дозы коррупции.

И тогда и сейчас разгромлено было всё. В обоих случаях идея “захвата власти” была взята с Запада. Остаётся добавить, что и при Петре, и при Горбачёве потери русской культуры были чудовищны.

Параллели можно продолжать, но и без того уже понятно, что механизмы обретения власти и пребывания в ней от перемены эпох несколько не меняются. Как не меняются и результаты великих революций с оглядкой на Запад.

В жизни происходит много невероятного. Хотите верить, хотите нет. Тому простой пример. На следующий день после того, когда Владимир Путин во все даже не проездом мимо очередной потёмкинской деревни, а во время посещения археологического раскопа на месте древнегреческого города Фанагория, опустившись на дно Таманского залива (после погружения российский премьер-министр сказал, что плавал с аквалангом в третий раз в жизни), неожиданно нашёл сразу две амфоры VI века, которые лежали на глубине двух метров, на заметном и прекрасно освещённом месте, однако на протяжении 15-ти веков их почему-то никто так и не заметил – ко мне во сне пришёл экс-царь Пётр I, который как человек сведущий стал объяснять: “Нынешнюю ситуацию в стране я оцениваю как беспокойную, что во многом связано с социально-бытовыми проблемами. Конечно, это не массовый голод или повсеместное отсутствие тепла и света, но, тем не менее, многого не хватает, а то, что есть – постоянно дорожает: услуги ЖКХ, лекарства, продукты питания, товары для детей и многое другое. В последнее время приходится наблюдать наступление на права и свободы россиян. Это недопустимо. Власть должна гарантировать гражданам их права и думать о том, как полноценно обеспечить их безопасность. К сожалению, здесь пока мы слышим много разговоров, но конкретных дел явно недостаточно. Схожие проблемы можно наблюдать и в экономической сфере. Например, у нас всё активнее говорят про необходимость модернизации, но, опять же, конкретных дел пока очень мало. И это меня тоже беспокоит. Положительные изменения могут произойти после выборов в Думу, но только при условии, что они пройдут честно, а все попытки исказить их результаты будут изначально жестко пресекаться”.

Я лежал и удивлялся: надо же, какой мыслитель! Всё-то ему видно оттуда, сверху. И какой глубокий анализ. Да, это тебе не нынешние политики! Вот что значит понимать историю и глубоко чувствовать ход событий. Это тебе не гадалка: расскажу, что было, что есть, что будет.

Что касается наследников М. Горбачёва: и отстранившего его от власти Б. Ельцина, и преемника “царя Бориса” В. Путина, и ставшего третьим президентом Российской Федерации Д. Медведева, то мне не доводилось слышать, чтобы они выступали перед соотечественниками с изложением своих взглядов на российскую историю. Я по простоте душевной даже как-то задал себе наивный до жути вопрос: “А доводилось ли Владимиру Владимировичу и Дмитрию Анатольевичу читать книгу Ивана Солоневича о старой и новой России, не о той, с которой их знакомили в школе и вузе, а о той, какой она была в действительности, что и определило её нынешнее состояние?” И ответить на него положительно не решился.

На моём веку, а я застал ещё Сталина, было много правителей. Каждого и при жизни, а тем более позже, одни нещадно ругали, другие нахваливали, порой так, что становилось за них неловко и стыдно. Но ни одним из них мне, хотя пребываю уже на склоне лет, не доводилось **гордиться**. Не думаю, что это была череда беспринципных руководителей. Как я уже говорил, полагаю, что и один, и второй, и третий... все поступали, исходя из лучших побуждений. Правда, самым сильным из всех их побуждений был страх потерять с таким трудом обрётённую власть.

Люди во власти, конечно, чуть-чуть меняются. С некоторых пор даже в верхних эшелонах власти научились, обращаясь к народу, произносить слово “простите”: за погибших в дни ГКЧП, за то, что многие наши с вами мечты не сбылись.

Мы готовы расчувствоваться, услышав то, что раньше никогда от власти не слышали: “Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком, и всё одолеем. Одним рывком не получилось. В чём-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались вперёд через ошибки, через неудачи. Многие люди в это сложное время испытали потрясение. Но я хочу, чтобы вы знали.

Я никогда этого не говорил, сегодня мне важно вам это сказать. Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моём сердце. Бессонные ночи, мучительные переживания: что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше? Не было у меня более важной задачи.

Я ухожу. Я сделал всё, что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше”.

Эта фраза: “Я сделал всё что мог” вызывает у меня большой и принципиальный вопрос: “А много ли мог?” И по Сеньке ли властная шапка тем, кто был, кто есть, кто будет у кормила? Настанет ли когда день и час, что я смогу и буду гордиться руководителем моей страны? Не за отдельные моменты, не за короткий миг из времени исполнения обязанностей, а за весь период нахождения во власти.

Сегодня представители власти, предпочитающие называть себя менеджерами от политики, позволяют себе иногда говорить, что им бывает стыдно. Но стыдно им, понимаю, не до такой степени, чтобы признать свою некомпетентность и своё неумение управлять огромной страной и большим коллективом людей под названием народ России.

Р. С. Что скрывать, большинство из нас хотело бы жить если не при коммунизме, то всё равно жизнью сладкой, как мёд. Вчера на рынке стал свидетелем “обмена любезностями” между двумя людьми, стоящими у прилавка, где продавался как раз именно мёд. Вернее, финала лёгкой перепалки и прозвучавших слов: “Вы, наверное, из тех, кто больше верит Путину и Медведеву, чем людям”. Оставляю примечательную фразу без комментариев.